

Левицкий Н.

**Наши уголовные законы,
общедоступно изложенные Н.
Левицким**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н. Л.**
Наши уголовные законы, общедоступно изложенные Н. Левицким / Левицкий Н. – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 88 с.

ISBN 978-5-519-92827-4

ISBN 978-5-519-92827-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I

О ЗАКОНѢ, ПРЕСТУПЛЕНИИ и НАКАЗАНИИ.

Безъ порядка жить на свѣтѣ не возможно. Чтобъ сильные не притѣсняли слабыхъ — необходимъ порядокъ.

Еслибы въ обществѣ не было порядка, то людямъ не было бы возможности жить вмѣстѣ. Еслибы умный хозяинъ припасъ себѣ что—нибудь на черный день, такъ въ безпорядкѣ ему сохранить свое имущество одному силъ бы не хватило.

За тѣмъ и живутъ добрые люди въ обществѣ чтобъ сообща соблюдать порядокъ, чтобъ порядокъ былъ сильнѣй безпорядка. А беспорядочные люди нищенствуютъ по одиночкѣ, или разбойничаютъ шайками, но вѣдь шайка не общество и нѣтъ въ ней порядка.

Еслибы не было одного точнаго, опредѣленнаго закона, то есть еслибы всякій староста или старшина могъ по своему распоряжаться нами; такъ мы были бы что трава, по вѣтру гнулисьбы, и не было бы на что опереться. Законъ поддерживаетъ каждого, даетъ ему его права, поддерживаетъ въ спорѣ съ сильнымъ.

Если законъ такъ важенъ, что безъ него жить нельзя, то само собою разумѣется что должно наблюдать и за исполненіемъ его, а иначе какой же въ немъ толкъ, если написанный законъ ни кѣмъ не будетъ исполняться.

Одни законы говорятъ о томъ какіе порядки заведены у насъ, другіе о томъ что бываетъ, если кто нибудь нарушитъ законъ.— Это законъ *уголовный*.

У всякаго человѣка есть свой написанный законъ въ сердцѣ его, соблюдая этотъ законъ совѣсти, человѣкъ никогда не сдѣлаетъ преступленія. Но такъ какъ природа человѣка испорчена грѣхомъ, то и совѣсть не всѣхъ сохранилась одинаково чистою—у многихъ она затемнена,—поэтому въ обществѣ для сохраненія порядка существуютъ писанные законы, въ нихъ точно опредѣлены наши обязанности другъ къ другу. Не всѣ впрочемъ обязанности могутъ быть точно опредѣлены. Всякій человѣкъ помогаетъ нуждающемуся—это одна изъ заповѣдей христіанскихъ, но опредѣлить когда и чѣмъ долженъ я помогать ближнему моему никто не можетъ.

Обязанности внесенныя въ писанный законъ должны быть точно опредѣлены, а такъ какъ точно опредѣлить можно только дѣйствія человѣка, мысли же опредѣлить нельзя—то въ законѣ и говорится только о дѣйствіяхъ людей.

Противузаконное дѣйствіе есть преступленіе. Преступленіе отъ грѣха отличается тѣмъ, что грѣхъ можетъ быть мысленный, преступленіе же есть дѣйствіе.

Всякій кто дотронется рукой до огня обжигается—точно также и совершившій преступленіе наказывается. Права можетъ имѣть только тотъ, кто можетъ имѣть обязанности—животное правъ не имѣетъ, потому что оно не можетъ сознавать своихъ обязанностей—не можетъ уважать правъ другихъ.

Преступленіе дѣлаетъ тотъ, кто не уважаетъ права другаго человѣка, стало быть онъ не достоинъ имѣть свои права, не достоинъ имѣть свободу по тому что не умѣетъ ею пользоваться. Поэтому самое справедливое наказаніе есть лишеніе свободы.

Смотря по тяжести преступленія и лишеніе свободы бываетъ разныхъ степеней. За самыя тяжелыя преступленія кромѣ лишенія свободы преступникъ лишается и всѣхъ правъ, которыми онъ могъ пользоваться какъ свободный и честный человѣкъ (это называется лишеніемъ всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ состоянія). При лишеніи правъ состоянія свобода выбора мѣста для жительства тоже стѣсняется (преступникъ ссылается на житье или даже на поселеніе въ Сибирь). Самый тяжелый видъ наказанія по нашимъ законамъ есть каторжная работа, при полномъ лишеніи свободы и правъ состоянія. Эта работа бываетъ или въ крѣпостяхъ, или на казенныхъ сибирскихъ заводахъ, или, наконецъ, самая тяжелая въ рудникахъ (рудникъ это то мѣсто, гдѣ выкапываютъ изъ земли металлическую руду). Въ смиренномъ и рабочемъ домахъ, а также въ арестантскихъ ротахъ и въ тюрьмѣ арестантовъ заставляютъ работать, а присужденные къ аресту работаютъ лишь по собственному желанію. Самое легкое лише-

ніе свободы—это домашній арестъ. Здѣсь тяжеле всего то, что ограничиваютъ свободу челоуѣка. Кромѣ ограниченія свободы наказываютъ еще денежными штрафами.

Преступленіе есть дѣйствіе *злонамыренное* — если охотникъ стрѣляя въ птицу, напрімѣръ, убьетъ нечаянно челоуѣка—то это не есть преступленіе, наказывать его нельзя какъ за убійство, но только за неосторожность. Преступникъ долженъ имѣть злое намыреніе. Законъ не можетъ опредѣлить всѣхъ случаевъ когда есть преступное намыреніе, или когда его нѣтъ; но въ немъ опредѣляется: 1) на сколько преступленіе злоумышленно (см. въ Сводѣ Законовъ, томъ XV, статьи 6, 1659). Законъ различаетъ а) преступленіе заранѣе обдуманное, здѣсь злая воля преступника уже вполнѣ рѣшилась и обдумала свое злое дѣло. Такія преступленія называются *предумышленными*. б) Преступленія сдѣланныя безъ заранѣе обдуманнаго умысла—напрімѣръ челоуѣкъ и не собирався воровать, но увидѣлъ вещь плохо охраняемую и соблазнился. с) Преступленіе сдѣланное подъ вліяніемъ внезапнаго побужденія, напрімѣръ убійство, совершенное горячимъ челоуѣкомъ въ порывѣ гнѣва, не можетъ быть ему вполнѣ вмѣнено въ вину, такъ какъ раздраженный челоуѣкъ дѣйствуетъ не въ полномъ разумѣніи, но онъ все-таки виноватъ, такъ какъ нанося смертельные удары онъ зналъ что отъ нихъ послѣдуетъ смерть, но по причинѣ гнѣва онъ не могъ оцѣнить всей тяжести преступленія.

2) Законъ опредѣляетъ въ какихъ случаяхъ

сдѣлавшему преступленіе нельзя его вѣнчать въ вину. Всякій пойметъ, что ребенка нельзя судить какъ взрослого.

Нашъ законъ опредѣляетъ различныя положенія для слѣдующихъ возрастовъ: 1) до 7-ми лѣтняго возраста человѣкъ преступленія сдѣлать не можетъ такъ какъ онъ еще не понимаетъ, что такое преступленіе. 2) отъ 7 до 10 лѣтъ дѣти не сознаютъ важности преступленія, а потому вмѣсто наказанія отдаются родителямъ или родственникамъ для исправленія и наставленія. При обсужденіи преступленія надѣ преступникомъ отъ 10 до 14 лѣтъ, если окажется что онъ дѣйствовалъ безъ разумѣнія, то съ нимъ поступаютъ какъ съ недостижимъ 10 лѣтъ, если же онъ дѣйствовалъ съ разумѣніемъ, то все-таки наказаніе облегчается. Въ возрастѣ отъ 14 до 21 года вопросъ о разумѣніи ужъ не ставится, но наказанія все еще смягчаются, (томъ XV стр. 197).

Впрочемъ судебныя уставы (стр. 759 уг. судопр.) дѣлятъ возрасты преступниковъ гораздо проще и даютъ суду больше возможности опредѣлять наказанія для каждаго отдѣльнаго случая сообразно съ пониманіемъ преступника. Иногда и 15 лѣтній глупѣй 13 лѣтняго,— по прежнему закону его судили бы все таки строже, но Судебныя Уставы всѣхъ до 17 лѣтъ сравниваютъ передъ судомъ и ужъ на судѣ рѣшаютъ, дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ. Только разумный человѣкъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія—съ безумнаго спрашивать нечего—у него нѣтъ воли, стало быть и преступленія онъ сдѣлать не можетъ. Законъ опредѣляетъ слѣдующія состоянія, въ которыхъ человѣку не вѣнчаются въ вину

его дѣйствія (ст. 35): 1) *прирожденное безуміе*, 2) *сумасшествіе*, 3) не вѣняется въ вину преступленіе совершенное больнымъ въ припадкѣ безпамятства, или умоизступленія, на примѣръ на беременных женщинъ находятъ припадки (истерики), во время которыхъ онѣ, совершенно безсознательно, дѣлають преступленія. Иногда люди, совершенно по видимому здоровые, оказываются помѣшанными на какомъ — нибудь одномъ предположеніи, и, подѣвліяніемъ одной какой нибудь мысли, постоянно ихъ преслѣдующей, совершаютъ преступленіе, не сознавая преступности. Вопросъ, сознавалъ ли преступникъ то, что онъ дѣлалъ преступленіе, есть самый важный вопросъ, который приходится разрѣшать присяжнымъ.

Одинъ молодой крестьянинъ воображалъ, что его постоянно преслѣдуетъ чортъ и однажды ночью задушилъ мальчика, который пробѣгалъ мимо него, вообразивъ себѣ, что это чортъ. — Само собою разумѣется, что здѣсь нѣтъ виновнаго, такъ какъ убійца не хотѣлъ сдѣлать убійства.

Пьяный человѣкъ можетъ быть тоже безсознателенъ; но какъ опредѣлить, когда онъ не заслуживаетъ наказанія, когда онъ дѣйствительно безсознателенъ? — Какъ бы пьянъ человѣкъ не былъ, но если онъ исполняетъ задуманное до опьяненія, стало быть онъ не потерялъ сознанья — онъ вполне наказуемъ. Точно также, если человѣкъ выпилъ для смѣлости передъ совершеніемъ преступленія, то онъ достоинъ наказанія. Но если доказано, что подсудимый напился, не собираясь сдѣлать преступленія, но случайно въ пьяномъ видѣ сдѣлалъ что — либо

преступное, то опьяненіе не увеличиваетъ, но и не уменьшаетъ его вину (ст. 106).

Преступникамъ можетъ быть только существо разумное, имѣющее понятіе объ обязанностяхъ чело-вѣка къ другимъ людямъ, понятіе о законѣ.

Бываютъ несчастные глухіе и нѣмые отъ рожде-нія—слѣдуетъ ли ихъ наказывать? Нашъ законъ (ст. 98) освобождаетъ отъ наказанія глухихъ и нѣмыхъ отъ рожденія или съдѣтства только тогда, когда они не получили ни чрезъ воспитаніе, ни чрезъ сообщество съ людьми никакого понятія объ обязанностяхъ и о нравственности.

Для того, чтобы дѣйствіе чело-вѣка можно было вѣннать ему въ вину, кромѣ разума необходима еще и воля. Чело-вѣкъ отъ природы воленъ дѣлать или добро или зло, но бываютъ и такіе случаи, что чело-вѣку не-возможно одолѣть злую силу, принуждающую его къ какому—нибудь дурному дѣлу.

По нашему праву преступленіе не вѣняется въ вину, если виновный принужденъ силою, съ которою онъ справиться не могъ (ст. 100), когда опасность ничѣмъ не отвратима, когда она грозитъ жизни. Совѣсть присяжныхъ лучше всего можетъ опре-дѣлить, достаточно ли была сильна опасность, чтобы заставить подсудимаго нарушить законъ. Совѣсть присяжнаго оправдаетъ, на-примѣръ, отца, который поведетъ шайку грабителей на новое мѣсто для грабежа, чтобы этимъ спасти своихъ дѣтей, которымъ разбойники грозятъ неминуемою смертію, если онъ не укажетъ имъ новой добычи. А между тѣмъ въ законѣ говорится только о тѣхъ случаяхъ, когда опасность угрожаетъ самому виновному.

Право не должно и не можетъ уступать безправію. Всякій понимаетъ, что если на меня нападеть кто—нибудь, я буду защищаться. Въ крайнемъ случаѣ даже убійство нападавшего не считается преступленіемъ—вѣдь я только защищался, преступленія стало быть никакого не сдѣлалъ. Когда я немогу защищаться законнымъ порядкомъ, судомъ, то я бываю вынужденъ прибѣгнуть къ самозащитѣ, но я долженъ только защищаться. Если же оборонясь я начну мстить—то это уже наказывается.

Законъ говоритъ о необходимой оборонѣ, если опасность угрожаетъ нашей жизни, здоровью или свободѣ, а также если женщинѣ угрожаетъ потеря чести или цѣломудрія. Законъ разрѣшаетъ необходимую оборону также противъ вора, разбойника и вообще ворвавшагося ко мнѣ въ домъ съ насиліемъ. Для того, чтобъ необходимая оборона была исполнѣнна, нужно о ней тотчасъ же увѣдомить своихъ сосѣдей, а также и начальство. Необходимая оборона дозволяется для спасенія и для защиты другихъ, находящихся въ опасности (ст. 101, 102, 105). Необходимую оборону надо отличать отъ такого случая, гдѣ насъ принуждаютъ сдѣлать преступленіе. Въ необходимой оборонѣ мы только защищаемся отъ чужаго преступленія, а въ принужденіи мы сами дѣлаемъ преступленіе.

Прощаемъ мы тогда, когда совѣсть наша чувствуетъ, что еслибъ мы были на мѣстѣ обвиняемаго, то и мы сдѣлали бы тоже, что онъ дѣлалъ. Совѣсть наша съ омерзеніемъ отталкиваетъ отъ себя и мысль о томъ, что она позволила бы себѣ украсть то, что другой зарабатывалъ своими трудами, но

она прощаетъ иногда кражу куска хлѣба, сдѣланную умирающимъ съ голода. Стало быть не всякое преступленіе одинаково строго судить наша совѣсть. Иногда присяжные, слушая разборъ дѣла на судѣ, видятъ, что преступникъ дѣйствовалъ не только подъ вліяніемъ злой воли, но что въ немъ есть и добрая искра, что онъ раскаивается или что въ преступленіи злаго умысла не было, а сдѣлано оно въ минуту раздраженія, вспыльчивости. Въ такомъ случаѣ присяжные объявляютъ виновному, что онъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія. Тогда судъ опредѣляетъ наказаніе легче того, какое слѣдовало бы, если преступникъ незаслуживалъ снисхожденія. Судъ можетъ просить смягченія наказанія заслуживающему снисхожденіе; присяжные же этого права не имѣютъ.

Вообще при назначеніи наказанія всегда имѣются въ виду извѣстныя обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія мѣру наказанія. Изъ увеличивающихъ вину преступника, а слѣдовательно и наказаніе его обстоятельствъ, судьи обращаютъ наибольшее вниманіе на слѣдующія: 1) преступное дѣйствіе наказывается тѣмъ строже, чѣмъ болѣе въ немъ было злаго умысла и обдуманности; 2) Знатный, богатый и образованный человѣкъ конечно заслуживаетъ болѣе сильное наказаніе, чѣмъ другой, потому что его дурные поступки менѣе извинительны, у него меньше причинъ сдѣлаться преступникомъ, чѣмъ у какого — нибудь бѣднаго, невѣжественнаго бродяги; 3) Наказаніе увеличивается тѣмъ больше, чѣмъ противозаконнѣй и безправственнѣй были побужденія къ преступленію;

4) чѣмъ болѣе лицъ человекъ привлекъ къ участию въ семъ преступленіи; 5) чѣмъ болѣе онъ употребилъ усилій для устраненія представлявшихся въ томъ препятствій; 6) чѣмъ болѣе имъ нарушено особыхъ личныхъ обязанностей въ отношеніи къ мѣсту, въ коемъ преступленіе учинено, и въ отношеніи къ лицамъ, противъ коихъ оно предпринято; 7) чѣмъ болѣе было жестокости, гнусности или безнравственности въ дѣйствіяхъ, коими сіе преступленіе приводилось въ исполненіе; 8) чѣмъ важнѣй была опасность, которую сіе преступленіе угрожало какому — либо лицу, или многимъ, или и всему обществу и государству; 9) чѣмъ важнѣй зло или вредъ причиненные этимъ преступленіемъ; 10) чѣмъ болѣе виновный при слѣдствіи и судѣ оказывалъ неискренности и упорства въ заpiresательствѣ, особенно если притомъ онъ старался возбудить подозрѣніе на невинныхъ или даже прямо клеветалъ на нихъ. — За повтореніе преступленія или проступка виноватый судится гораздо строже, чѣмъ въ первый разъ (ст. 131, 132).

Изъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, главные суть слѣдующія: 1) когда виновный добровольно и прежде нежели на него пало какое-либо подозрѣніе, явился въ судъ или къ мѣстному или другому начальству, и вполнѣ чистосердечно съ раскаяніемъ сознался въ учиненномъ преступленіи; 2) если онъ, хотя ужъ послѣ того, какъ на него пало подозрѣніе, но вскорѣ, безъ упорства, сдѣлалъ съ раскаяніемъ во всемъ признаніе; 3) если онъ безъ замедленія, благовременно и также съ полною откровенностію, указалъ на всѣхъ участниковъ въ его преступ-